

Л.Г.Истягин

**ИМЭМО–СИПРИ:
В ПРОТИВОБОРСТВЕ С НЕГАТИВНЫМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ В ОБЛАСТИ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Специальное приложение ИМЭМО к русскому изданию Ежегодника СИПРИ 2014 // Ежегодник СИПРИ 2014 г.: Вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. – Институт мировой экономики и международных отношений РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 1998 –2014. – 2015; С. 587–732.

I.

Стокгольмский международный институт исследований мира (СИПРИ), отмечающий в этом году свой полувековой юбилей, заслуженно пользуется в экспертно-академических кругах репутацией надежного поставщика ценной информации и взвешенных рекомендаций для лиц, принимающих ответственные политические решения, исследователей и представителей средств массовых коммуникаций, а также для широкой заинтересованной общественности. С начала 1990-х гг. СИПРИ поддерживает тесные связи с ИМЭМО РАН, в свою очередь занимающего ведущие позиции среди научных исследовательских организаций по проблемам мира и безопасности. Налажено и надежно функционирует русское издание «Ежегодника СИПРИ», которое готовится и редактируется Центром международной безопасности ИМЭМО РАН.

Особая популярность в экспертных и исследовательских кругах, а также в среде журналистов, парламентариев и общественных движений приобрело выпускаемое в виде составной части русскоязычной версии «Ежегодника СИПРИ» Специальное приложение ИМЭМО. В 2015 г. выпуск Приложения ИМЭМО к «Ежегоднику СИПРИ» приобрел, пожалуй, дополнительный вес и значение, потому что в основном посвящен выявлению причин и корней произошедших за последние два-три года глубоких международных кризисов и определению путей и подходов к их нейтрализации, регулированию и преодолению.

Директор ИМЭМО акад. РАН А.А.Дынкин в своем предисловии подчеркнул насыщенность выпуска аналитическими материалами (с. XXI), которую обеспечили, во-первых, участие в издании ведущих специалистов ИМЭМО РАН по названным темам, том числе с использованием монографических и иных специальных работ, подготовленных в последнее время; во-вторых, опора на связь с практикой государственных учреждений и общественных организаций, поднимающих и во многом по-новому ставящих злободневные вопросы международных отношений, меняющие или глубинно затрагивающие важные для защиты мира и утверждения мировой стабильности явления и процессы и, в третьих, творческий учет мировой обстановки, в том числе перемен в общественных сферах, вызвавших существенные повороты в ряде аспектов взаимодействия и взаимовлияния мировых политических субъектов.

II.

Как отмечает в своей открывающей Приложение главе акад. А.Г.Арбатов (с. 587–598), в настоящее время продолжает углубляться «всеобъемлющий кризис» в стержневом для профиля исследований СИПРИ вопросе о достижении эффективного контроля над системой наиболее разрушительных средств уничтожения – прежде всего ограничения и нераспространения ракетно-ядерных вооружений (с. 587). Решающим средством возвращения процесса разоружения в конструктивное русло было бы, по мнению автора, общее оздоровление международных отношений путем урегулирования таких острых конфликтов, как сирийский и украинский.

Поскольку ожидание улучшения международного политического климата грозит затянуться, а откладывать решение важнейших проблем сферы вооружений до такого улучшения не следует, А.Г.Арбатов предлагает прибегнуть на этом «промежуточном этапе» к попыткам продвижения на отдельных направлениях, с использованием уже накопленного исследовательского и экспертно-переговорного опыта. Таковыми могли бы быть отдельные аспекты сокращения стратегических вооружений США и России, регламентация систем ПРО (опять-таки в двустороннем плане), высокоточных систем большой дальности, нестратегических ядерных вооружений и т. п., с параллельным подключением к переговорным процессам и экспертным консультациям политиков и специалистов третьих стран (с. 597).

Возможно, подобные отдельные прорывы в области международного сотрудничества, особенно те, которые позволяют задействовать не только великие, но и средние и малые региональные державы, могли бы в дальнейшем обеспечить отсутствующие ныне позитивные изменения в области безопасности. На этом фоне есть основания приветствовать сделанный рядом специалистов, написавших работу, упор на конкретные, частные проблемы и на продвижение в их решении. В сложившейся обстановке начинать приходится с малого, в известной мере, с периферии. Но это – торная тропа, которая вернее всего приведет к цели разрядки международной напряженности.

В определенной мере образец такого креативно-реабилитационного подхода к проблемам глобальной международной безопасности демонстрирует

в своей главе А.Н.Калядин (с. 599–611). Базируясь на своих исследованиях последних лет, эксперт формулирует и развивает положение о наличии у Организации Объединенных Наций, особенно в лице Совета Безопасности, весьма значительного, но по разным причинам все еще недостаточно используемого потенциала управления международными рисками. Печальная практика длительного периода злоупотребления статусом и авторитетом ООН для прикрытия агрессивного насилия со стороны отдельных, пусть и влиятельных политических субъектов не должна, полагает автор, побуждать к игнорированию серьезных достижений, осуществленных, прежде всего, по линии Совбеза по таким проблемам, как сирийская, афганская и ряд других в направлении укрепления региональной и международной безопасности. Кстати, за истекший исторически краткий срок с момента подписания Спецприложения ИМЭМО к «Ежегоднику СИПРИ» в печать (13.07.2015) произошли некоторые события, которые подтвердили авторский прогноз относительно возможности позитивных договоренностей, например, по иранской и сирийской проблемам. Того же мнения, в частности, придерживается и другой автор издания – В.И.Сажин (с. 663–675), хотя, по его мнению, ряд негативных процессов пока что не удалось ни остановить, ни даже замедлить. Например, вопреки предписаниям соответствующих резолюций СБ ООН, пока не реализовано, возвращение Пхеньяна в шестисторонний переговорный формат по ядерной проблеме КНДР. Однако само существование этого формата с участием всех членов Совбеза дало действенный импульс курсу на разоружение и нераспространение.

В связи с этим особого внимания заслуживает проблема реформы ООН, широко обсуждаемая в международных политических, академических и общественных кругах. А.Н.Калядин, в частности, поддерживает идею реанимации Военно-штабного комитета (ВШК) СБ ООН, с наделением этого вспомогательного органа СБ дополнительными функциями, которые позволили бы ему играть более весомую роль в деле обеспечения международной безопасности (с. 610). В то же время А.Н.Калядин, как и ряд других авторов издания, скептически относится к проектам «радикального реформирования» СБ, включая резкое увеличение числа его членов, отмену права вето, разбухание консультационных механизмов и т. п., полагая, что подобного рода сомнительная «демократизация» ООН могла бы скорее понизить уровень оперативности и эффективности организации. Это, в свою очередь, особенно нежелательно в нынешних условиях возросшей конфликтности, волн терроризма, «гибридного» насилия разного рода, игры отдельными акторами региональной и мировой политики на этно-конфессиональных противоречиях и т. д. Подлинный прогресс в сфере безопасности, разоружения и регулирования конфликтов должен стать итогом и результатом «терпеливого поиска общих знаменателей, без форсирования событий» (с. 610).

К сожалению, острейший кризис на Украине пока в основном находится вне зон влияния общепризнанных международных организаций. Однако, например, А.В.Загорский предполагает, что Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) могла бы в гораздо более активно и в широком масштабе, чем сегодня, взять на себя роль посредничающей и

консультирующей стороны в украинском конфликте. ОБСЕ уже послужила площадкой для выработки некоторых решений по деэскалации кризиса и координации практических действий других международных организаций, включая Управление по делам беженцев Верховного комиссара ООН, Международный комитет Красного Креста, Мониторинговую миссию по правам человека и др. (с. 612–614). ОБСЕ сумела развернуть собственную операцию в конфликтной зоне в виде Специальной мониторинговой миссии (СММ) и групп наблюдателей на двух российских пунктах пропуска на границе с Украиной (с. 612). СММ оказалась единственной международной структурой, контактирующей и взаимодействующей с обеими конфликтующими сторонами в Донбассе. Автор считает назревшим вопрос о наделении СММ дополнительными функциями по поддержанию мира и развертыванию дополнительных сил стабилизации, в том числе и по линии ООН (с. 619). При всей зыбкости и хрупкости антикризисных договоренностей на Украине, имеются надежды на расширение вклада международных форумов, в том числе Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, в постепенное достижение нормализации обстановки на Украине и в окружающем ее регионе (с. 616).

Материал С.К.Ознобищева в основном посвящен геостратегическим аспектам взаимоотношений с НАТО (с. 622–636). В современной кризисной обстановке, полагает автор, следовало бы начать с возобновления полноценных контактов России с НАТО по линии «открытой двери», как это сформулировал американский политик и эксперт сенатор С.Нанн (с. 635). С одной стороны, по мнению С.К.Ознобищева, в условиях, когда НАТО по своей инициативе берет на себя обязательства по срокам, размерам и местам пребывания своих «боевых сил», в т. ч. вдоль российских границ, следовало бы начать с обсуждения вопроса о договорной фиксации таких зон (с. 635). С другой стороны, Н.И.Бубнова позитивно оценила сдержанность США и некоторых других стран-членов НАТО в отношении поставок оружия по «просьбам» Киева (с. 642–643). Здесь, пожалуй, следовало бы более развернуто осветить мотивы, стоящие за такой, подчеркнем, весьма относительной сдержанностью, в т. ч. связанные требованиями общественных движений на Западе, выступающих с антивоенных позиций.

III.

Одним из основных предметов исследования, так или иначе представленных в большинстве материалов сборника, является миротворческий потенциал России, а также ее политического поведения в сложившихся условиях, способность РФ к совершению акций по укреплению собственной и международной безопасности, ликвидации или, по крайней мере, ограничению конфликтных осложнений, рисков и напряженностей, в т. ч. с помощью инструментария «мягкой силы».

Исследователям-специалистам, как и непрофессионалам-общественникам, ставящим целью изучение международной безопасности, будет, несомненно, полезно ознакомление с очень большим объемом статистического и иного фактического материала, включая обстоятельный

обзор официальных документов РФ по вопросам национальной безопасности, обороны, контроля над вооружениями и разоружения (см. подборку на с. 724-729). Важное место в работе занимают также комплексы информационно-справочных данных, а также материалы научной экспертизы (с. 663–724).

Так, согласно прогнозу Л.В.Панковой, Россия будет в состоянии обеспечить необходимый уровень своей обороноспособности при условии достижения запланированных целеустановок Государственной программы вооружений на 2001–2020 гг. (с. 677–679). Опыт применения российских вооруженных сил в Сирии засвидетельствовал их высокую боеспособность. Однако ряд проблем, например, связанных с развитием отечественной технической базы военного назначения, потребует, по оценкам эксперта, усилий в течение 5–6 лет, что, в прочем, автор считает выполнимым, «так как очевидно, что полное импортозамещение необходимо и целесообразно лишь в наиболее критичных областях» (с. 687).

В большинстве случаев авторы тезисов, в том числе и прогнозисты, сходятся в оценке высокой вероятности длительных негативных воздействий украинского кризиса на взаимоотношения РФ с другими государствами, в том числе с партнерами по организациям в области безопасности. К примеру, расхождения ряда членов СНГ с российской линией по крымскому вопросу создали, в оценке В.И.Владимирова, затруднительную ситуацию для развития интеграционно-политических функций ЕАЭС (с. 696–698). Эксперт, правда, не склонен драматизировать возникшие нестыковки и расхождения в позициях стран-членов. Он полагает, что решающим фактором в этом аспекте явится действующая «динамика усиления военно-политического и экономического влияния» самой РФ (с. 702–703).

Сходным образом автор главы о российско-индийских отношениях П.В.Топычканов (с. 699–715) не видит большой беды в том, что в последнее время Россия уступила Америке свое место главного поставщика оружия Индии. Реакцию некоторых российских СМИ по данному вопросу он считает «излишне эмоциональной» (с. 704). Эксперт уверен, что в перспективе Индия и Россия могут совместно создавать «компоненты или целые системы для вооружений стратегического назначения» (с. 712), что приобретает особую актуальность в связи с тем, что Индия отказалась следовать введенным Вашингтоном антироссийским санкциям.

Особое внимание издание уделяет Китаю и перспективам его отношений с Россией. Этому вопросу, помимо отдельных замечаний и наблюдений в ряде статей, специально посвящено исследование В.В.Михеева и С.А.Луконина (с. 651–662). Авторы склоняются к мысли о действующем «общем тренде» в пользу Китая в соотношении стратегической мощи двух стран. Отсюда и зыбкость, по их мнению, самого фундамента современного российско-китайского сотрудничества и возможность дальнейшего роста «взаимного недоверия» (с. 659). Учитывая подобные обстоятельства, авторы статьи с некоторым скептицизмом относятся к близким перспективам «поворота на Восток» российской экономики и торговли, в связи с дорогостоящими «сибирскими преобразованиями». Они определенно не усматривают для

многих таких проектов реальных экономико-финансовых и социально-демографических предпосылок. Если в будущем, полагают авторы, «поворот на Восток» и целесообразен, то в краткосрочном плане этот лозунг главным образом подходит на роль срочного «дополнения связей с Западом» (с. 661). Естественно, что данная проблема нуждается в дополнительном развитии, конкретизации, а, главное, в аргументационных подкреплениях. Здесь, по-видимому, открывается поле для новых разработок.

Работу завершает глава С.М.Иванова о радикально-исламистском ультратеррористическом движении, «вышедшем из под контроля своих создателей и спонсоров» (с. 716). Автор вскрывает диалектическую взаимосвязь акций и последствий данного феномена. С одной стороны, крайнее по зверству и разрушительности, в сущности возродившее черты раннего средневековья, движение ИГИЛ создало сегодня реальную угрозу не только ближне- и средневосточному, но и центральноазиатскому пространству, Европе и России. С другой стороны, как раз на основе преодоления последствий деяний крайнего ультраисламизма возникают первые симптомы складывания подлинно всемирной антитеррористической коалиции государств и народов. Серьезное противодействие силам радикального «халифата» стало формироваться после активизации и расширения российской вооруженной помощи армии сирийского правительства.

Вместе с тем процесс преодоления возникших угроз может и затянуться. По оценке ряда экспертов, для разгрома боеспособных отрядов джихадистов потребуются несколько лет напряженных усилий, вплоть до «масштабной наземной операции» (с. 712). Главную политическую трудность в этой сфере до сих пор представляет «факт политической и идеологической расколотости мира» (с. 720). Тем не менее, просматриваются определенные, пусть пока и не вполне «масштабные» согласования и сближение позиций.

В целом основным вектором работы стала четкая ориентация на конкретный прогресс в достижении хотя бы по началу относительно ограниченных локализованных результатов, как способ продвижения в общем направлении к улучшению международной обстановки, ее стабилизации, снижению конфликтности и напряженности. Выражаясь словами российского министра иностранных дел С.В.Лаврова, наступает пора, когда есть все резоны «отложить в сторону геополитические игры». Пока искать и находить точки приложения сил для всех политических акторов современного международного, все более многополярного процесса, на уровне от его лидеров – США, России, ЕС и Китая до бурлящего «третьего мира», с участием в том числе общественных движений за мир и безопасность.